



*Нина Николаевна Дроголюб – коренная симбирянка, медик по образованию, литератор по призванию. Пишет стихи, рассказы, сказки. Автор книги «Домик на Венце». Ярко и увлекательно рассказывает она читателям «Мономаха» о симбирянах и ульяновцах, оставивших живой след в истории нашего города и края.*

## Три барышни из рода Жадовских

### Авторы о «Мономахе»

Двадцать лет назад родился в нашем старинном городе, наречённом в 1648 году Симбирском, а впоследствии ставший Ульяновском, журнал. Симпатичный такой журнал, которому «родители» дали громкое и обязывающее имя – «Мономах». Сейчас он вступил в цветущий юношеский возраст. Пожелаем же ему дальнейшего роста, широкого кругозора, познания мира и любви читателей!

Нина Дроголюб

XIX век дал России много талантливых и одарённых писателей. На исконно мужскую литературную арену Отечества тогда робко вступали первые женщины-авторы. На поприще драматургии, литературы и поэзии специалистами показали себя три писательницы из рода Жадовских: Аграфена, Елизавета и Юлия, самая яркая из них.



Герб Жадовских

Жадовские – русский дворянский род. У его истоков стояли Иван и Егун Семёновичи Жадовские, «за московское осадное сидение» пожалованные вотчинами в 1620 году. Их род внесён в шестую часть родословных книг Казанской, Костромской, Нижегородской, Петербургской, Симбирской, Тульской, Ярославской губерний.

### Аграфена – почитательница европейской мелодрамы

Аграфена Жадовская, родившаяся в конце XVIII века, дочь симбирского дворянина, богатого помещика и известного масона Ивана Васильевича Жадовского. В Библиографическом словаре русских писателей и поэтов князя Голицына (1889) об Аграфене Ивановне сказано, что она, «будучи хорошо образована, по натуре своей пылкая и восторженная, обладала большим сценическим талантом и занималась литературой». Аграфена Ивановна получила прекрасное домашнее образование в имении родителя своего, богатейшего и образованного симбирского помещика, имевшего прекрасную библиотеку из произведений лучших европейских и российских авторов –

писателей, поэтов, драматургов, философов, учёных. В имении Жадовских был крепостной театр, на сцене которого ставились пьесы, сцены из опер и балетов.

Стоит ли удивляться, что девочка, выросшая в такой атмосфере, жадно впитывала знания из книг, пьес, поэм. Тонко чувствующая натура, обладавшая к тому же твёрдым целеустремлённым характером лидера, Аграфена сумела организовать вокруг себя дворянскую молодёжь. И какая это была молодёжь! К концу XVIII века Симбирск был первым после Казани центром передовой мысли. Здесь сформировалось крупное влиятельное гнездо масонов, очень рано в Симбирске образовался театр, вначале в виде крепостного, где роли исполняли крепостные актёры и актёрки (театры

Дурасова, Жадовского и др.), а потом и публичного, городского в 90-х годах XVIII века. В библиотеках дворянских усадеб хранились книги русских и европейских авторов самого разнообразного содержания, образовывавшие юных дворян. Тон общественной жизни города и губернии задавали семьи Бекетовых, Дурасовых, Жадовских, Ивашевых, Баратаевых, Ермоловых, Языковых. Многие из этих дворян были образованными, незаурядными людьми. Так, князь Баратаев (1784–1856), будучи учёным-нумизматом, состоял членом Парижской академии наук. Имена четырёх сыновей из семейства Ивана Петровича Тургенева получили впоследствии широкую известность. Андрей Иванович Тургенев тринадцатилетним отроком написал стихи, посвящённые Симбирскому театру:

«Разлука с Симбирским театром». После окончания Московского Императорского университета Андрей Тургенев служил в Москве, а затем в Петербурге, где внезапно скончался. Вигель писал про него: «Андрей Тургенев, со всею скромностью великих достоинств, стоял на распутье всех дорог, ведущих к славе, какую ни избрал бы он, можно утвердительно сказать, что он далеко бы по ней ушёл».

Вот такую молодёжь организовала вокруг себя в драматический кружок Аграфена Жадовская. И члены кружка со всей отвагой, свойственной молодости, ринулись завоевывать публику. А для этого действительно нужна была смелость и решительность, ибо занятие актёрством в то далёкое время было привилегией людей «подлого» сословия. Не принято было «фиглярствовать» дворянам. Это был воистину революционный шаг. Аграфена перевела с французского чувствительную драму «Английский купец Бот», которая и была показана в городском театре Симбирска в 1804 году. Спектакль произвёл фурор! В 1803 году появилась популярная пьеса, сентиментальная драма «Юлия, следствие обольщения». Автор её П.В. Сушков жил в то время в Симбирске и был также участником театрального кружка Аграфены Ивановны. Переделанная ими в оперу пьеса Сушкова обошла всю театральную провинцию!

#### **Елизавета – объект критики революционных демократов**

Следующей представительницей клана Жадовских является Елизавета Александровна Жадовская, поэтесса 50-х годов XIX века, которой частенько доставалось от критиков – революционных демократов Белинского и Добролюбова. Особенно резко отзывался Добролюбов о стихотворном переводе Елизаветы поэмы Джона Мильтона, известного поэта, пуританина и борца за свободу личности против государственности.

«Издание чистенькое, но на это смотреть не должно». «О стихах же г-жи Елизаветы Жадовской можно судить по следующему обращению к Мильтону, которое напечатано на особой четвёртке в начале книги, очевидно, ради её утолщения.

*Мильтон, божественный писатель,  
Настрой мне лиру сам мою  
Сердец и душ очарователь,  
Дай повторить мне песнь твою:*

*Её начну с четвёртой темы,  
Её, её я пробранчу.  
Дай дивный лад твоей поэмы  
И вдохновенье; – так начну.  
И устремляет он, печальный,  
Свой взор на пышный вертоград:  
Эдемских прелестей отрадой  
Его томится злобный взгляд,  
Тут к небесам он взор возвращает,  
Где лучезарный блеск светил  
Собой природу освещает,  
Где их чертог блестящий был.*

Нет, не за то осуждаем мы г-жу Елизавету Жадовскую, что она перевела Мильтона, а за то, что плохо перевела, перевела не всё, что следовало, а выдала так, что будто всё ею сделано. Наши замечания имеют вот какой смысл: зачем г-жа Жадовская выдрала из поэмы Мильтона отрывки, и отрывки далеко не лучшие, зачем перевела их на плохие стихи старой русской прозы, зачем перепутала даже то, что сама выбрала, а главное – зачем свои вирши издала под названием поэмы Мильтона «Потерянный рай».

Мне кажется, что г-н Добролюбов предвзято подошёл к творчеству г-жи Жадовской. Да и Джона Мильтона не пощадил. Ох уж эти критики! К тому же поэму известного английского поэта знал весь просвещённый мир, и обвинение г-на Добролюбова в плагиате по отношению к русской поэтессе и литератору звучит, выражаясь современным языком, некорректно. Видимо, революционный демократ Добролюбов доставил Елизавете Жадовской немало неприятных минут своей критикой.

#### **Юлия – кроткая и добрая душа**

А теперь вспомним добрым словом третью писательницу из рода Жадовских – Юлию Валериановну. Это самая талантливая и самая трагическая фигура из женщин-литераторов. Само её рождение принесло в семью Валериана Жадовского, чиновника по особым поручениям ярославского губернатора, страдания и боль родительских сердец. Девочка родилась без левой руки, а на правой ручке не хватало двух пальчиков. Можно представить, сколько слёз пролила её матушка, стоя на коленях перед иконой Богородицы и вопрошая: «За что?». Благодаря заботам кормилицы девочка выжила, хотя и была слабой. Но через год малютку ждал ещё один удар: после рождения брата Павла умерла матушка. Отец отдал Юлечку на воспитание её тётке

А.И. Корниловой, страстно любившей литературу и писавшей стихи и статьи, которые помещались в изданиях 1820-х годов. Малышка росла в окружении заботливой тётушки, души не чаявшей в ней, нянюшки и гувернанток, обучающих маленькую барышню языкам. Поговорка о том, что если Господь не додал в одном, то полной мерой восполнит в другом, полностью оправдалась на Юлии. Девочка обладала способностями к наукам, к тому же у неё было доброе сердце и покладистый характер. Тётушка обожала свою внучатую племянницу. Девочка много читала (в имени, конечно, была библиотека), беседовала с тётушкой о книгах, авторах. Юлия много гуляла по парку, окружавшему господский дом, там у неё были любимые укромные местечки, где она наблюдала за гнёздами малиновки и горихвостки, слушала соловья, вдыхала ароматы ландышей и цветущей сирени. А когда приходила пора ягод и грибов, Юлия ходила с дворовыми девушками в весёлую берёзовую рощу. Девушки разбредались по роще, и та наполнялась ауканьем и весёлым девичьим смехом. Временами в имени собирались гости, тогда дом наполнялся суетой. Готовились праздничные блюда, с мебели снимались чехлы, горничные носились по дому, готовя комнаты гостям. А вечерами в гостиной звучали музыка, романсы, стихи. Потрескивая, горели масляные светильники, в открытые окна лился аромат ночных цветов, парк освещала полная луна. Спустя много лет Юлия Валериановна опишет всё это в своих романах.

После домашнего обучения, приличествующего барышне её круга, Юлия поступает в Костроме в пансионат Прибытковой. У неё начинается новая жизнь. В пансионате Юлия обратила на себя внимание преподавателей своими способностями, а особенно преподавателя русской словесности П.М. Перелесского. Можно представить, как трудно было Юлии вписываться в окружающую её новую среду, непринуждённо вести себя с девочками-пансионерками, переносить любопытные, сочувствующие взгляды. Но судьба, отняв у неё физическое совершенство, послала ей ясный ум и талант. Её любили все за кроткий нрав, отзывчивость и доброе сердце.

Первая любовь обрушилась на впечатлительную, легко ранимую Юлию, как майская гроза. Молодой учитель словесности и его ученица влюбились друг в друга безоглядно, горячо



и безнадежно. Будущего у этой любви не могло быть. Отец не хотел и слышать о браке дочери с бывшим семинаристом, да к тому же он совершенно справедливо сомневался в искренности чувств молодого учителя. Отец очень любил свою обиженную судьбой дочь и старался оберегать её от охотников за богатым приданым неопытной и наивной барышни. Кроткая Юлия беспрекословно подчинилась воле отца, но разлука с любимым тяжело переживалась ею. Никогда, никогда не встретит она человека, который так полюбит её.

Юлия переехала к отцу в Ярославль и для неё наступили годы домашнего затворничества. Но именно глубокие душевные переживания подвигли её на литературную деятельность. Тайком от отца начала она писать стихи, и только тёмная ночь да пуховая подушка, в которую Юлия зарывалась лицом, знали о её слезах и стихах, которые она сочиняла. Стихи так и лились из её страдающей души. Батюшка, узнав об увлечении дочери, повёз её в Петербург и Москву, чтобы дать ход её дарованию.

В Москве Юлия Валериановна познакомилась с М.П. Погодиным, напечатавшим в «Московитянине» несколько её стихотворений. В Петербурге — с Хомяковым, Загоскиным, Иваном Аксаковым, с князем Вяземским, Губером, Дружининым, Тургеневым. В 1846 году вышли в свет её стихотворения. Живя исключительно сердцем, сохранив до конца жизни бесхитростную веру в любовь, Юлия Валериановна стояла на одном уровне с большинством образованных женщин своего времени, отличаясь от них лишь большей начитанностью и литературным талантом. Лирика Юлии Жадовской — «поэзия женской неволи». Основная её тема — разлука с любимым, сословное неравенство, оплакивание несостоявшейся любви, смиренное преклонение перед природой, которую она узнала и полюбила, проживая в имении тётюшки.

Крупнейшие композиторы XIX века сочиняли музыку на её стихи, некоторые из романсов известны и поныне, как, например, «Ты скоро меня позабудешь» и «Я всё ещё его, безумная, люблю» А.С. Даргомыжского. Современники увидели в поэзии Юлии Жадовской историю тоскующей, но сильной и непокорившейся женской души. Её поэзия, интимная и страстная, полна любви, нежности и веры. И сколько современных девушек и женщин могут повторить за Юлией:

Н.А. Лавров.  
Портрет Юлии Жадовской.  
1845



*Я помню взгляд,  
мне не забыть тот взгляд!  
Он предо мной горит неотразимо:  
В нём счастья блеск,  
в нём чудной страсти яд,  
Огонь тоски, любви невыразимой.  
Я всё ещё его, безумная, люблю!  
При имени его душа моя трепещет;  
Тоска по-прежнему  
сжимает грудь мою,  
И взор горячею слезой  
неволью блещет.  
Я всё ещё его, безумная, люблю!*

Белинский раскритиковал её первый сборник, а Добролюбов отнёсся к нему гораздо благосклоннее.

Прозаические произведения Юлии Жадовской посвящены той же теме сословного неравенства. Романы «Простой случай» и «В стороне от большой дороги» — истории любви девушки-дворянки и бедного гувернёра. Во втором романе автором использованы воспоминания детства, жизни в имении

тётушки. Страницы его проникнуты тёплым чувством любви к родной природе, бабушке, заменившей героине рано умершую мать, к имению, где героиня знает и любит каждый уголок.

Последние произведения Ю.В. Жадовской не имели успеха. Это настолько огорчило её, что она перестала писать. В 1862 году Юлия решила выйти замуж за старого доктора К.Б. Севена, чтобы обрести материальную независимость от отца.

Брат Юлии, Павел Валерианович Жадовский (1825–1891), окончил кадетский корпус, участвовал в венгерской и севастопольской кампаниях, был ранен. Павел, как и сестра, был литературно одарён, выпустил книгу воспоминаний «Молдавия и Валахия» (1856), «Басни и стихотворения», «Картины военного быта» и «Житейские сцены» (1859). Тираж последней книги был конфискован, видимо, из-за чрезмерного натурализма произведения.